

Джан-Мария впервые в Москве. На вопрос, что бы он хотел посмотреть в первую очередь, актер ответил: «Людей»... В этом весь Волонте. Неуголимая жажда познания мира человеческой души, стремление не только открыть ее для себя, но и сделать откровением для всех — такое секретоу неуязвимого таланта, разгоревшегося неожиданно нежданно-негаданно на итальянском кинонебосводе звездой первой величины.

Нежданно-негаданно... Буржуазные искусствovedы до сих пор в недоумении разводят руками, пытаясь объяснить «феномен Волонте». А ведь на первый взгляд действительно есть чему удивляться. В Италии, капиталистической стране, не так уж бедной знаменитостями, особенно кинематографическими, появляется очень «неудобный» для продюсеров и режиссеров актер, которого тем не менее все хотят снимать. Почему неудобный? Очень просто. Он коммунист и яроственный противник аполитичного, так называемого «коммерческого» кино. Тогда почему же такой спрос? Известный режиссер Джулиано Монтальдо объясняет это так: «Волонте настоящее сокровище итальянского кинематографа. Любог режиссер, даже самый неизвестный, знает, что, если у него имеется в кармане хороший сценарий, он всегда может рассчитывать на этого первоклассного актера, который к тому же обойдется ему значительно дешевле, чем любой другой, даже второстепенный...». Вроде бы просто, не так ли? Дело за небольшим — за хорошим сценарием. А что это такое?

— Джан-Мария, что такое, по-твоему, хороший сценарий?

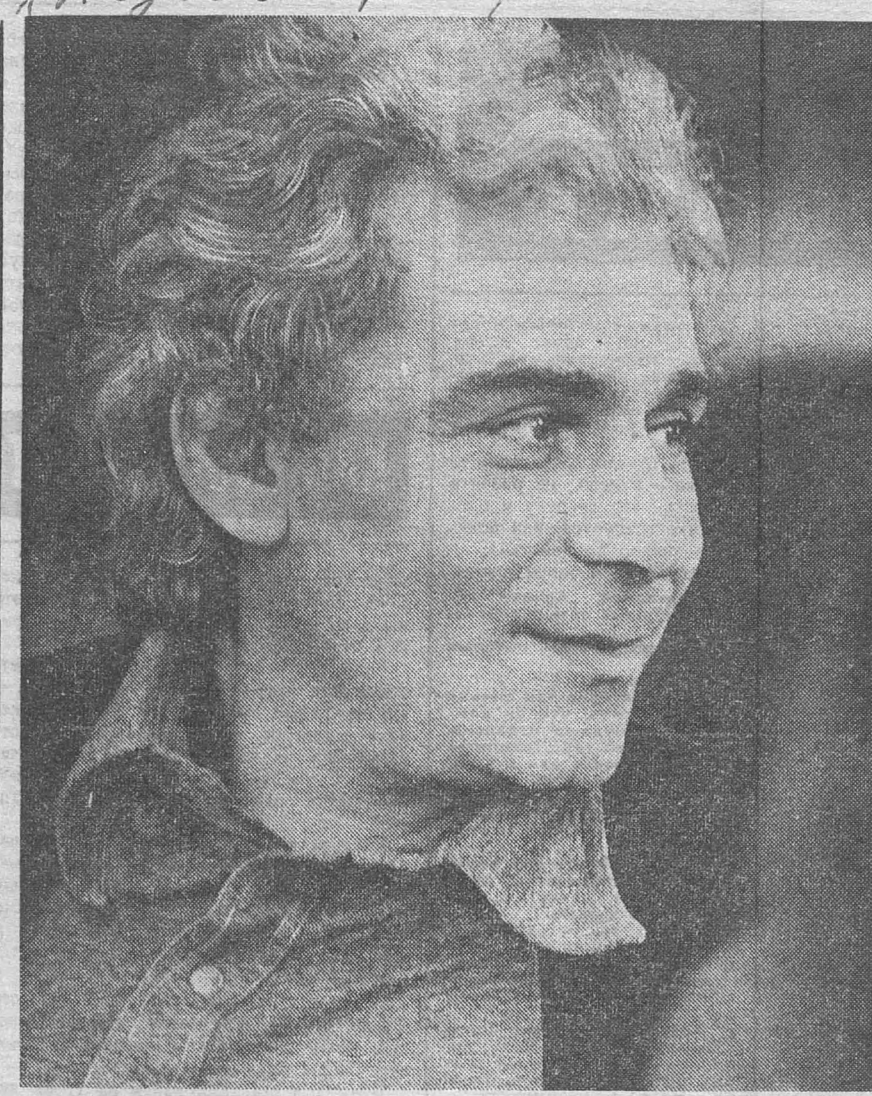
— Бо... Наверное, тот, который поднимает острые социальные проблемы, самые жгучие реальности наших дней, даже если сюжет обращен в прошлое. Я знаю актеров, которых мало волнует то, что будет происходить на экране. Они всеядны и уже в силу этого консервативны. Есть другие, те, что находятся в постоянном контакте с прогрессивными социальными силами, особенно в те моменты, когда идет открытое столкновение революционного и реакционного. Кино, на мой взгляд, может играть в этих процессах весьма активную роль. Так что аполитичный кинематограф — выдумка невежд или, что вернее, чистой воды апологетика, стремление увести народ от борьбы в мир иллюзий. Сценарий и фильм политичны всегда. Нужно только знать, по какую сторону баррикад ты находишься. Сделать выбор. Я свой, например, сделал уже давно...

— У нас в стране очень любят итальянское киноискусство. Что происходит с ним, по твоему мнению, в настоящее время?

— Если говорить кратко, то оно находится в перманентном кризисе. Достаточно познакомиться с названиями фильмов, которые, например, сегодня идут в итальянских кинотеатрах, и станет совершенно очевидным, что Апеннины захлестнула волна самой изощренной эротики. В Италии ежегодно производят около двухсот кинолент, но дай бог, чтобы из них хотя бы 10—15 поднимали действительно какие-то серьезные политические, социальные или этические проблемы. Все остальное — товар, рассчитанный на самые низменные вкусы зрителей... Или луки кроуи, или море разврата. Конечно, серьезный фильм сделать труднее, чем порнографическую стряпню. Не только кинематографически труднее, но и экономически тоже. Тебе, конечно, хорошо известно, что кино в Италии одна из наиболее модных сфер приложения частного капитала. И, конечно, нет ничего странного в том, что только тот, кто имеет деньги, заказывает музыку по своему вкусу. А вкусы у наших синьоров капиталистов отнюдь не блещут оригинальностью. Конечно, о вкусах не спорят. Да и дело-то, в конечном счете, не во вкусах, а в другом — в погоне за прибылью. Ибо только она определяет нынешний курс итальянского кинематографа.

— Может быть, нужны какие-нибудь реформы?

— Конечно. Необходимо отнять бразды правления у хозяев проката, всякого рода

ДЖАН-МАРИЯ ВОЛОНТЕ ЧЕЛОВЕК И АКТЕР

кинематографических дельцов, наживающихся на зрителях и развращающих публику, в том числе и нашу молодежь, сексуально-гангстерской чепухой. Кино, как одно из мощных средств воспитания людей, должно находиться в руках государства...

— Одно время ты увлекался народным театром...

— Да, было такое дело. Но сейчас у меня кино съедает все свободное и несвободное время. К тому же, мне кажется, что оно действеннее, нежели театр. Поэтому я и мои товарищи думаем над тем, чтобы начать производство короткометражных документальных фильмов. Этим мы неизмеримо расширим наши возможности информации итальянцев по тем проблемам, которые волнуют их больше всего на сегодняшний день.

ОН СИДИТ передо мной в неизменной бархатной курточке с расстегнутым воротом клетчатой рубашки. Галстук Джан-Мария надевает лишь тогда, когда Волонте уступает место или Энрико Маттеи, или «гражданину вне всяких подозрений», или другому «гражданину», появляющемуся перед объективом кинокамеры. В обыденной жизни актер вроде бы непристен, тих и даже застенчив. Говорит не торопясь, охотно уступая место в диалоге своему собеседнику. Не так уж часто попадаютсся талантливые ораторы. Еще реже, на мой взгляд, талантливые слушатели. Джан-Мария обладает этим редким даром. Он удивительно умеет слушать. Искренне, жадно, с широко открытыми глазами, как ребенок, которому рассказывают захватывающую сказку. И мне, конечно, тоже пришлось вступить в нелегкую борьбу с обаянием актера, чтобы не превратиться в исповедовающегося, а наиболее полно представить Джан-Мария читателям «Недели». Так что на сей раз говорил он:

— Я родился в Милане 9 апреля 1933 года. Свои силы в искусстве начал пробовать более двух десятков лет тому назад. Играл в труппе, гастролировавшей по провинции. Конечно, почувствовал пробелы в театральном образовании. Окончил римскую Академию драматического искусства. Нет, я не сразу нашел свое место в мире муз. Да и вообще вряд ли случается так, что человек, проснувшись однажды утром, вдруг приходит к решению всех мучающих его проблем. Не всегда голова полна блестящих идей, не всегда выбран путь, не всегда можно по нему шагать... К сожалению, а может быть, и к счастью, все в жизни бывает сложнее. Я, например, сделал свой выбор как актер социального плана в пятидесятых годах, когда работал в Малом миланском театре. Играв в пьесах Брехта и Пискатора, стиравших грань между сценой и зрительным залом, мне впервые пришла в голову идея о том, что театр может быть политическим, может стать ареной борьбы против недугов буржуазного общества. А позже мне стало очевидным, что еще более широкой трибуной является кино. Только надо тоже сделать выбор... Тогда, на заре моего становления как киноактера, большую помощь оказали режиссеры братья Паоло и Витторио Тавиани, а также Джанфранко Де Боцио. Почти одновременно я снялся в «Человеке, которого надо уничтожить» и «Террористе». В первом фильме играл роль профсоюзного вожака, убиваемого мафией, во второй — бойца Сопротивления, антифашиста... В 1968 году произошла встреча с режиссером Элио Петри, который окончательно убедил меня в правильности избранного актерского пути. Фильм — это форма борьбы, борьбы против социальной несправедливости. «Каждому свое», «Следствие по делу гражданина вне всяких подозрений», «Рабочий класс идет в рай»... Петри — это целый этап в моем творчестве. Он нашел свое продолжение и в последующих фильмах. «Сакко и Ванцетти» Д. Монтальдо, «Дело Маттеи»

Ф. Рози и так далее, кончая последними кинолентами, которые мы привезли в Москву: «Джордано Бруно» и «Счастличик Лючано»...

ЭТИ два фильма режиссеров Джулиано Монтальдо и Франческо Рози прошли по московским экранам во время Недели советско-итальянской дружбы. Разные картины. Разные персонажи. Джан-Мария Волонте снимался в обоих фильмах практически в одно и то же время. И опять не могло не потрясти необыкновенное качество актера — его глубочайшее проникновение в образ, неиссякаемая способность к перевоплощению. Философ и поэт, борец и жизнелюб, пошедший на костер, потому что не хотел и не мог предать своих идей, потому что не хотел и не мог признать себя побежденным «святой инквизицией», — таков Джордано Бруно — Волонте. Надолго останется в памяти заключительная сцена: измученного пытками ведут Джордано на костер. Рот перетянут изуверским намордником с гвоздем, которым проткнули язык ученого, чтобы не мог он в последние минуты перед смертью проповедовать «ереси». Но какие глаза у Джордано — Волонте! Сияющие, гордые, непокоренные... И одновременно — типичный сицилийский бандит Лючано. Неподвижная маска садиста, кошачья походка, презрительно искривленные губы. Крупнейший специалист по контрабандной торговле наркотиками, высланный из США и обосновавшийся на Сицилии, терроризирует население острова. Нет, сам он не стреляет, не режет, не травит. «Грязную» работу за него делают другие. Он лишь идет помывать руки, пока киллеры убивают ставшего ненужным «друга», с которым он только что пил вино за столом... Шестнадцатый век и недавнее прошлое, борец и «мафиозо», две судьбы, два диаметрально противоположных идеала, ради которых жили эти непохожие герои двух итальянских кинолент.

О фильмах еще будут писать специали-

сты. Некоторым они показались немного затянутыми и чуть-чуть монотонными. Не знаю, может быть. Хотя совершенно очевидно, что обе кинокартины сугубо «итальянские». Недавний референдум о разводе на Апеннинах, во время которого миллионы итальянцев сказали твердое «нет» попыткам реакции сдвинуть вправо политическую ось Италии, сыграв на религиозных чувствах населения, — свидетельство того, что средневековое мракобесие не только история, но пока еще и итальянская реальность... А загадочные убийства, похищения людей, быстро распространяющийся наркомания? Нет, это тоже не только «сюжеты», это печальная действительность сегодняшних дней. Мафия располагается по Апеннинам подобно раковой опухоли. Монтальдо и Ф. Рози вместе с Джан-Мария Волонте откликнулись яростной кинопублицистикой на наиболее животрепещущие проблемы своей страны... В этом основной смысл обоих фильмов.

Мы говорили о необыкновенной способности Волонте к перевоплощению. Конечно, талант. Но и труд тоже. — Работа над образом? Как всегда. Сначала я все узнаю о человеке, роль которого предстоит сыграть. В этот момент дом мой превращается в склад книг, газет, рукописей, предметов, которыми должен пользоваться будущий герой. Я читаю, заучиваю текст, стою перед зеркалом, мучаюсь, не сплю ночей. Потом приходит момент перевоплощения, ну и затем съемки.

Сейчас, когда мы сидим за столом, он тоже перевоплотился. Ушел в себя. Такой спокойный, тихий, домашний. Но я-то знаю, что он — другой. Я видел Джан-Мария и в рядах демонстрантов, которые обращали в бегство нефашистов, и в трибунах коммунистических митингов, и в жаростных дискуссиях с политическими противниками. Нет, он совсем не домашний, этот «неудобный» для буржуазных критиков «актер номер один». Они все пытаются разгадать «сфинкса» итальянского кино. Анализируют его отдельно как человека, как политического деятеля и как актера. А он, по-моему, един в трех лицах. Ибо коммунист Волонте дал жизнь актеру Волонте. Потому он и удивителен, этот «сфинкс»...

Л. КОЛОСОВ.

Фото В. Ахлмова.